

К вопросу локализации славянской прародины в юго-восточной части Припятского Полесья

Предварительная версия (июль 2023)

Владимир Марков (Київ)

Две дисциплины, лингвистика и археология, дополняют друг друга с точки зрения достигнутых результатов: одна предоставляет культурные данные, переданные в лексическом материале, с этнической маркировкой, другая локализует культурные данные, полученные при раскопках, достаточно точно во времени, и абсолютно точно в пространстве...

Генрик Ловмянский¹

Keywords: Slavs, Prague culture, Polissya, Proto-Slavic homeland

Ключові слова: слов'яни, пражська культура, Полісся, прабатьківщина слов'ян

Ключевые слова: славяне, пражская культура, Полесье, славянская прародина

V. Markov

On the issue of localization of the Proto-Slavic homeland in the southeastern part of the Pripyat Polissya

This article tries to summarize the known archeological and linguistic evidences for the location of the Proto-Slavic homeland in the southeastern basin of the Pripyat river in the Polesia region. Also discussed are early Slavs' ecological niche and some demographic aspects, related to the beginning of the great Slavic migration.

В. Марков

До питання локалізації слов'янської прабатьківщини у південно-східній частині Прип'ятського Полісся

В статті робиться спроба узагальнити відомі археологічні та лінгвістичні дані про розташування праслов'янської прабатьківщини у південно-східній частині басейну Прип'яті. Також обговорюється екологічна ніша раннях слов'ян та деякі демографічні аспекти, пов'язані з початком великої слов'янської міграції.

В. Марков

К вопросу локализации славянской прародины в юго-восточной части Припятского Полесья

В статье предпринимается попытка обобщить известные археологические и лингвистические данные о расположении славянской прародины в юго-восточной части бассейна Припяти. Также обсуждается экологическая ниша ранних славян и некоторые демографические аспекты, связанные с началом великой славянской миграции.

Время, место и обстоятельства возникновения славянского этноса продолжают оставаться предметом оживленных дискуссий археологов, историков, а также лингвистов. Однако представляется, что междисциплинарное сотрудничество первых двух с лингвистами в целом оставляет желать лучшего². К настоящему времени не вызывает сомнений, что археологическим отражением материальной культуры древних славян (известных по греко-латинским источникам VI-VII вв. как «скламены») является пражская культура. Эта культура единственная имеет преемственное продолжение в более поздних достоверно славянских археологических культурах Средней и Восточной Европы³. Более того, пражскую и райковецкую культуры (последняя эволюционирует из пражской на территории Правобережной Украины и вливается в древнерусскую) по сути можно не разделять, а рассматривать как процесс непрерывного развития единой культуры не меняющегося населения⁴.

¹ Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. I. Okres wenecki. Warszawa, 1964. S.28

² См. также: Szmoniewski B. Sz. Early-Slavic culture // The Past Societies. Vol.5. Warszawa, 2016. S.27

³ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Москва, 1976. С.198; Петрухин В.Я. К дискуссии о начале славянской этнической истории // Славяноведение. 1993. № 2. С.5

⁴ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Москва, 1976. С.12; Филипчук М. Райковецька культура в українському Прикарпатті: хронологія і періодизація // Вісник Інституту археології. 2008. Вип. 3. С. 98-99

Вопрос происхождения пражской культуры и территории ее формирования также продолжает оставаться предметом дискуссий. Вместе с тем археологические данные, полученные за последние десятилетия, и сопоставление их с данными языкознания позволяют существенно приблизиться к решению этой проблемы. При этом все меньше сомнений остается в том, что ядром формирования пражской культуры являлся компактный регион в восточной части Припятского Полесья, также известный в историографии как «полесское белое пятно»⁵. Данная публикация является попыткой тезисно суммировать известные автору данные, свидетельствующие в пользу вышеуказанной локализации славянской прародины (не претендуя на полную широту их охвата), а также предоставить некоторые дополнительные комментарии.

Археологические данные

Материальная «чистота» пражской культуры Полесья.

В свое время В.В. Седов отмечал, что Полесье выделяется материальной «чистотой» пражской культуры VI - VII вв., а вне Полесья типично пражские элементы в той или иной мере перемешиваются с элементами иного происхождения. Исследователь предположил, это может свидетельствовать о том, что Полесье являлось прародиной славян, откуда началось их широкое расселение. Осваивая новые земли, славяне в той или иной мере соприкасались с иноэтничным населением, что находило свое отражение в появлении на их памятниках материальных элементов других типов⁶. Другой авторитетный исследователь раннеславянских древностей И.П. Русанова также отмечала, что в сравнении с другими территориями пражские памятники в Полесье менее всего подверглись иноэтничному культурному влиянию⁷.

Археологические культуры позднеримского времени, генетическим преемником которых не могла быть пражская культура, и их ареалы (метод исключения).

Еще в советское время на территории современной Украины и Беларуси были установлены ареалы четырех археологических культур позднеримского времени, которые не распространялись на часть Припятского Полесья, образуя там т.н. «полесское белое пятно». Последнее характеризовалось отсутствием памятников как этих четырех культур, так и памятников пражской культуры, датированных до VI в. К упомянутым четырем культурам относится культура штрихованной керамики (балты), вельбаркская культура (племена готского культурного круга), черняховская культура (племена готского круга с присутствием иноэтничных элементов), киевская культура. Этническая атрибуция последней является предметом споров между сторонниками ее балтского или славяно-балтского происхождения и славянского. Характер памятников вышеупомянутых четырех культур и пражской культуры свидетельствует о том, что последняя не может являться генетическим преемником какой-либо из них. Попытки славянской атрибуции киевской культуры и включение пражской культуры в число ее генетических преемников наряду с пеньковской и колочинской противоречат как археологическим данным (отличия в керамике, домостроительстве, отопительных устройствах, социально-политической организации), так и данным

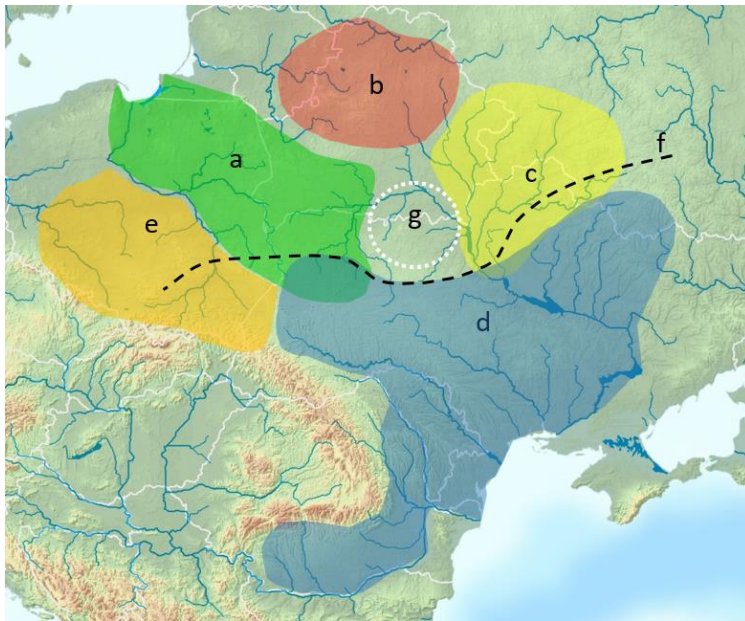
⁵ См.: Мачинский Д.А. О прародине славян в I - V вв. и об этносоциуме русь/рос в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям Баварского географа) // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2012. С.33; Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С.45; Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin, 2004. С.68-69, 95; Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Москва, 1997. С.49-50; Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989. С.111-112; Фурасев А.Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Санкт-Петербург, 2009. С.26-35

⁶ Седов В.В. Припятское Полесье в славянском этногенезе по археологическим данным // Полесье и этногенез славян. Москва, 1983. С.22-23

⁷ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Москва, 1976. С.200

языкознания⁸. Таким образом, отсутствие преемственности между пражской культурой и вышеперечисленными четырьмя культурами, а также наличие между ареалами этих четырех культур свободной от их памятников территории (которая с VI в. стала частью ареала пражской культуры) с большой долей вероятности предполагало, что ядро формирования пражской культуры могло находиться именно там.

Рисунок 1. Полесье и археологические культуры III - IV вв.⁹

- a – вельбарская культура
- b – культура штрихованной керамики
- c – киевская культура
- d – черняховская культура
- e – пшеворская культура
- f – северная граница черноземов
- g – т.н. «полесское белое пятно» - предполагаемый регион формирования пражской культуры

Археологические открытия последних десятилетий.

В течении последних нескольких десятилетий на территории «полесского белого пятна» и тяготеющих к нему территориях был открыт целый ряд прежде не известных памятников IV–V вв., которые по ряду признаков демонстрируют наиболее ранний этап формирования пражской культуры. И хотя интерпретация материалов некоторых из этих памятников и их датировка вызвали определенную критику¹⁰, не возникает сомнений в том, что в целом большинство из них действительно демонстрируют наиболее ранний этап развития пражской культуры. При этом все больше исследователей видят истоки пражской культуры в локальных полесских памятниках позднезарубинецкого горизонта¹¹.

⁸ См.: Марков В.И. Пеньковская культура, анты и их языковое наследие // "Гілея: науковий вісник": Збірник наукових праць. Київ, Випуск 175 (№ 8), 2022, там же література.

⁹ См.: Баран В.Д. Давні слов'яни. Київ, 1998. С.297; Каргопольцев С. Ю. Северо-Запад Восточной Европы III–VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи) // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. Москва, 1997. С.90; Parczewski M. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S.71; Милашевский А.С., Ткач В.В., Баюк В.Г., Прищепя Б.А., Войтюк А.П. Хронологические индикаторы финального этапа памятников вельбарской культуры на территории Украины // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Минск, 2018. С.164

¹⁰ См. к примеру: Егорейченко А.А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // Archaeoslavica. Kraków. 1991. Т. 1. С.61-82; Петраускас О.В., Коваль А.О. Житло з ранньослов'янськими елементами на черняхівському поселенні біля Комарова // In Sclavenia terra. Вип. 1. Київ, 2016. С.54-55

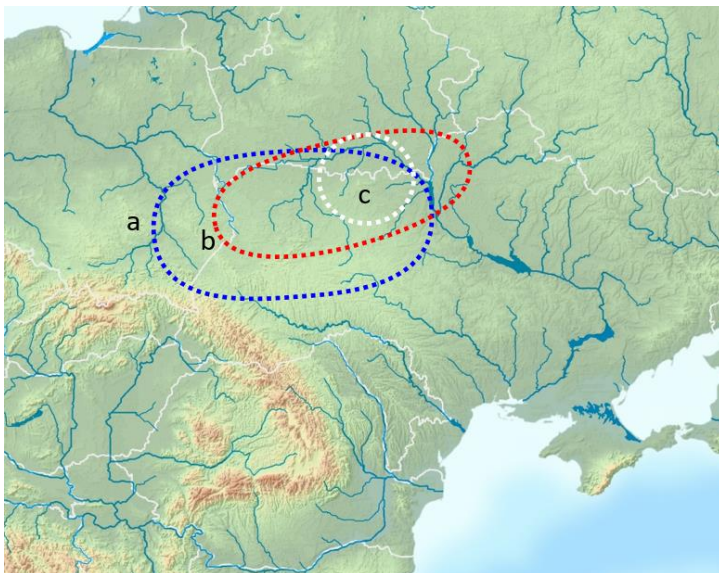
¹¹ См.: Левко О. Н. Ранние славяне Центральной и Северной Беларуси по археологическим данным // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Минск, 2018. С.151-152; Белевец В.Г. Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. Вып.3. С.281-305; Дубицкая Н. Н. Население Припятского Полесья в I тысячелетии н. э // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. Т.66. № 2. Минск, 2021. С. 163-168; Касюк А. Раннеславянскія жытлы Беларускага Палесся ў кантэксце домабудаўнічых традыцый пражскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып.27. Мінск, 2012. С.285; Левко О., Марзалюк І., Дробушевский А. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1. Минск, 2016. С.30-31; Белицкая А., Байковская Е., Харитонович О. Результаты исследования поселения ранних славян в нижнем течении реки Ствига // Наука и инновации. №9. 2017. С.32-34; Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 1997. Т.3. С.39-50; Белявец В. Даследванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вылучэння помнікаў “перадпражскага” гарызонту на беларускім Палессі // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Прародина славян по данным языкознания

В поисках локализации славянской прародины лингвисты в частности обращаются к древней общеславянской лексике, в том числе и к древним заимствованиям из других языков. Среди них Полесье как прародину славян или ее часть в разное время рассматривали Я. Пейскер, М. Фасмер, Г. Улашин, В.П. Филин, С.Б. Бернштейн и др.¹² Примечательно, что Н.И. Толстой отмечал отсутствие в современных полесских говорах следов последующих языковых контактов с неславянскими этносами¹³. По мнению Т.И. Вендиной в говорах белорусского и украинского Полесья наблюдается наивысшая степень концентрации праславянской архаики¹⁴. Данные аспекты безусловно перекликаются с упомянутой выше материальной «чистотой» пражской археологической культуры на территории Полесья.

По данным древней общеславянской лексики прародина славян не соприкасалась с побережьем моря, а также не находилась в степной зоне, поскольку вся связанная с морем и степью славянская терминология является заимствованной. Бедно в общеславянской лексике также представлена терминология особенностей горного ландшафта. Вместе с тем в общеславянской терминологии присутствует большое разнообразие нарицательных названий озер, болот, лесных урочищ, а также различных животных, птиц, рыб, деревьев и растений умеренной лесной зоны. Это свидетельствует о том, что прародина славян (как этнической единицы) находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами, реками и болотами¹⁵.

Рисунок 2. Локализация славянской прародины по данным праславянской лексики Мошинским К., Бернштейном С.Б., Филиным Ф.П. (бассейны Западного Буга и Вислы включены главным образом в связи с проблемой происхождения названий лосося и угря)

- a – славянская прародина по К. Мошинскому, С.Б. Бернштейну¹⁶
- b – славянская прародина по Ф.П. Филину¹⁷
- c – «полесское белое пятно»

История. 2019. № 3. С.110-145; Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin, 2004. С.68-69

¹² См.: Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян // Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика) Москва, 1968. С.18; Оссовский Л. Западное Полесье - прародина славян // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С.111; Бернштейн С. Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Москва, 2000. С.223; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. Москва, 1979. С.10-15 (там же литература);

¹³ Толстой Н.И. Полесья и его значение для славянской ареалогии // Полесье и этногенез славян. Москва, 1983. С.6

¹⁴ Вендина Т.И. Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // Славянское языкознание. XII международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. Москва, 1998. С.144

¹⁵ Бернштейн С. Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Москва, 2000. С.223; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962. С.117-122. См. также: Нидерле Л. Славянские древности. Москва, 2015. С.31, 112-123; Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Warszawa, 2014. S.107-135

¹⁶ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С.65; Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2006. S.38

¹⁷ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962.С.148

Ниже мы кратко коснемся контактов праславянского языка с рядом других языков. Среди таковых отсутствуют финно-угорские языки, поскольку лексические заимствования из них в праславянском языке не обнаружены. Это свидетельствует о том, что носители праславянского языка не контактировали с финно-угорскими народами¹⁸.

Праславяно-балтские языковые связи.

Известно, что славянские языки по целому ряду характеристик демонстрируют наибольшую близость к балтским языкам. Эта близость также включает огромный пласт общей славяно-балтской лексики. Для объяснения данного факта были выдвинуты различные гипотезы, на полюсах которых с одной стороны находится предположение о том, что славянский язык выделился из балтского языка (или балтский и славянский языки выделились из гипотетического балто-славянского праязыка), а с другой, что славянский язык выделился непосредственно из индоевропейского, и сходные с балтскими языками черты в нем развились в результате длительного соседства праславян с балтами¹⁹. Литература по этому вопросу поистине огромна, однако для нас главное значение имеет тот установленный факт, что носители праславянского языка на протяжении долгого времени очень тесно соседствовали с балтами.

Праславяно-германские языковые связи.

Влияние германского языка на праславянскую лексику выглядит достаточно существенным. Чтобы сжато и предметно это продемонстрировать можно обратиться к данным двух капитальных изданий этимологических словарей. Так, авторы неоконченного «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» в томах с 1-го по 39-й включительно (39-й том заканчивается словом **ozgoba*) в частности относят к заимствованиям из германского языка (или посредством германского) следующие слова: *бук, броня, блюдо, доска, колодец, купить, князь, лежь (лекарство), лук (ботан.), лев, миса/миска, морковь, осел, оцет (уксус)*²⁰. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера под редакцией О.Н. Трубачева дополняет этот список словами *верблюд, виноград, изба, лихва (рост, проценты), меч, млин (мельница), мыто, пила, плуг, полк, скиба (ломоть хлеба), скот, труба, тын (ограда), шелом (шлем), хлеб, хлев, хижа/хижина, черешня, явор*²¹. Можно отметить, что заимствование некоторых из вышеперечисленных слов из германского языка (или посредством германского) может подвергаться сомнению, однако в целом это не меняет общей картины. Тем более, что приведенный перечень не охватывает всех предполагаемых германских заимствований в праславянском. Таким образом, не вызывает сомнений, что славяне в древний период своей истории жили по соседству с германцами и поддерживали с ними тесные контакты²².

¹⁸ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961. С.100-101; см. также: Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва, Ленинград, 1966. С.194

¹⁹ См.: Вимер Б. Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Москва, 2007. С. 31-45; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961. С.91-92; Лер-Сплавинский Г. Об этногенезе славян // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. Москва, 1962. С.5-6; Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982, № 4. С.14-15; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962. С.128; Birbaum H., Merrill P.T. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic. Columbus. 1984. P.73-74; Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). Москва, 1980. С.45-51; Мартынов В.В. Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме // Acta Baltico-Slavica 25 SOW. Warszawa, 2000. С.179-209; Golab Z. The origin of the Slavs: a linguist's view. Slavica Publishers, Inc. 1992. P.47-58

²⁰ Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Т.1-39. Москва, 1974-2014

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения Трубачева О.Н. Москва, 1986-1987. Т.1-4

²² См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961. С.95-99; Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т.1. Москва, 2004. С.599; Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962.С.137; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S.72; Babik Z. Wspólnota językowa prasłowiańska // Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji. Poznań, 2012. S.841; Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 2008

Следует отметить, что характер праславянских заимствований из германского языка вполне соотносится с археологическими данными, которые демонстрируют более развитый материальный уровень черняховской и вельбаркской культур по сравнению с бедными памятниками пражской культуры IV-VI вв. А также наличие у восточногерманских племен развитого военного дела. Другими словами, носители праславянского языка в процессе контактов с германцами сталкивались с новыми для себя предметами и явлениями и перенимали у германцев их названия.

Существенное влияние германского языка на праславянский лексический фонд в разное время использовалось сторонниками гипотезы висло-одерской прародины славян в качестве одного из основных ее лингвистических доказательств. Однако этой гипотезе помимо археологических данных также противоречат другие лингвистические данные, о которых речь ниже.

Праславяно-иранские языковые связи.

Численность слов, которые могли быть заимствованы в праславянский язык из иранских языков, является достаточно ограниченной. По подсчетам одних исследователей это может быть несколько десятков слов, по мнению других, число таких слов меньше десяти. Предполагаемые праславянские иранизмы можно разбить на две условные смысловые группы. Первая группа слов относится к материальной культуре, среди них по мнению О.Н. Трубачева известно всего лишь два слова, по поводу иранского происхождения которых в историографии существует относительный (!) консенсус: *топор* и *кот* (загон для скота, небольшой хлев). Вторая группа иранских заимствований касается культово-религиозной лексики и в частности представлена словами *рай*, *бог* и именами языческих славянских богов *Хорс*, *Семарг*, *Сварог*. При этом, заимствование слова *бог* из иранского оспаривается рядом исследователей, включая О.Н. Трубачева и Ф.П. Филина. В целом можно отметить, что основная проблема с предположительными иранскими заимствованиями заключается в том, что там, где их видят одни исследователи, другие видят праславянские и иранские слова, которые имеют общее праиндоевропейское происхождение. Таким образом, свидетельства праславяно-иранских языковых контактов несомненно присутствуют, также очевидны следы определенного иранского религиозно-этического влияния на праславянскую лексику. Вместе с тем отсутствуют свидетельства продолжительного соседства этих языков²³.

Археологические источники свидетельствуют, что аланский, сарматский и позднескифский компоненты имеют определенное материальное присутствие на памятниках Черняховской культуры, особенно в южной части ее ареала. Однако не более того²⁴. Также на могильниках Черняховской культуры фиксируется определенное биологическое присутствие сарматов, которое наиболее ощутимо на могильниках Молдовы и Левобережной Украины. Однако это присутствие также нельзя назвать значительным²⁵. Таким образом, следует предположить, что иранское влияние на праславянскую лексику, главным образом религиозно-этическую, могло иметь место до освоения украинской лесостепи германскими

²³ См.: Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т.2. Москва, 2004. С.45-46; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962.С.140-142; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961. С.92-93; Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя. Москва, 1999. С.4-170; Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. Москва, 1962. С.28-45; Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Москва, 1976. С.78; Gołąb Z. The Origins of the Slavs: A Linguist's View. Slavica Publishers, Inc., 1992. P.311-337; Jasiński T. Rozważania o praojczyźnie Słowian // Historia Slavorum Occidentis. 2020. Nr. 2 (25). S.26-61; Birbaum H., Merrill P.T. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic. Columbus. 1984. P.73-75

²⁴ Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С.30-70; Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. Москва, 2003. С.47-49; Гопкало, О. В., Рудич, Т. О. Пізні скіфи та сармати у складі культури Черняхів–Синтана-де-Муреш (за матеріалами поселення та могильника біля с. Боромля) // Старожитності Лівобережжя Дніпра. Київ-Котельва, 2018. С. 90-101

²⁵ Рудич Т.А. Сарматы в составе Черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим. Сборник научных статей. Библиотека Vita antiqua. Київ, 2006. С.83

племенами. После этого подобные процессы, судя по археологическим данным, представляются маловероятными.

Праславяно-тюркские языковые связи.

Известен ряд общеславянских слов, имеющих тюркское происхождение. Это предполагает их заимствование в праславянский язык до начала или в начале великой славянской миграции. В частности, выдвигалось предположение о тюркском происхождении слов *хрен* и *хмель*, которые также присутствуют во многих других европейских языках. Считается, что изначальный ареал распространения этих растений находился к юго-востоку от территории нынешней Украины, откуда вместе с тюркским названием распространился на запад²⁶. Однако авторы двух вышеупомянутых этимологических словарей полагают, что тюркское происхождение этих слов является спорным.

Гораздо более убедительным представляется тюркское происхождение таких общеславянских слов, как *баран*, *коза*, *лебедя*, *толмач*. Слово *баран* распространено во всех славянских языках, кроме словенского, в котором, как и в других южнославянских, для обозначения барана используется исконное праславянское название *овен*. В остальных южнославянских языках слово *баран* встречается (или встречалось) лишь в виде ограниченных диалектизмов. Данное слово считается заимствованным из тюркских языков, куда оно, возможно, попало из среднеиранского. Слово *коза* выглядит изолированно на фоне прочих других индоевропейских названий животного. Считается, что оно восходит к тюркским названиям козы (главным образом домашней) *käzä/käçi*. Вероятно, эта лексема двигалась с востока на запад вместе с распространением домашней козы — «культурным завоеванием Азии»²⁷. *Лебеда/лобода* — название растения (*Chenopodium*) вероятнее всего восходит к турец. *labada* «щавель», татар., крымскотатар., *алабота*, киргиз. *алабата* «лебеда»²⁸. Разновидности данного растения традиционно употреблялись в Азии в пищу и, возможно, что эта традиция была принесена кочевниками в Северное Причерноморье. Слово *толмач* присутствует во всех славянских языках²⁹, что, вероятно, также указывает на древность заимствования.

Можно упомянуть еще ряд заимствований из тюркских языков, которые присутствуют во всех славянских языках за исключением лужицких или лужицких и лехитских — *телега*, *товар*, *торба*, *чекан*, *чирей/чиряк*, *сабля* (?), *чаша* (?), *шапка* (?)³⁰. Можно предположить, что эти слова были заимствованы в период существования Аварского каганата, когда авары и подчиненные им племена болгарского круга контактировали с восточными и южными славянами, а также с предками чехов и словаков.

Праславянские названия деревьев

Считается, что на территории славянской прародины произрастали среди прочих такие деревья, как дуб, береза, липа, ясень, верба, граб, клен, ольха, осина, сосна. Их названия происходят либо из индоевропейского языка, либо являются балто-славянскими или чисто славянскими лексическими инновациями. Важные сведения касательно месторасположения славянской прародины предоставляют названия деревьев, которые славяне заимствовали из других языков.

²⁶ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962. С.171; Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 2008

²⁷ Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Москва, 1960. С. 73-76, 87-88, 211; Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Т.1-39. Москва, 1974-2014

²⁸ Этимологічний словник української. Київ, 1982–2012. Т.1-6; Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Т.1-39. Москва, 1974-2014; Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976

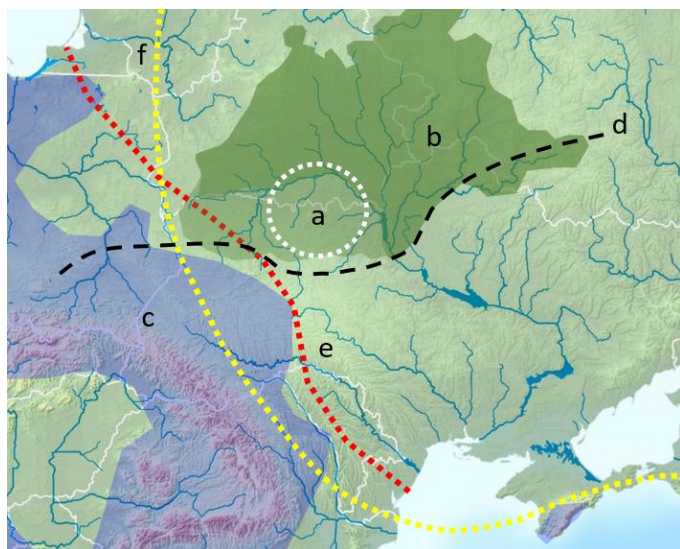
²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения Трубачева О.Н. Москва, 1986-1987. Т.1-4

³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения Трубачева О.Н. Москва, 1986-1987. Т.1-4; Этимологічний словник української. Київ, 1982–2012. Т.1-6; Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Т.1-39. Москва, 1974-2014; Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках. II // Этимология 1968. Москва, 1971. С.189-194; Добродомов И.Г. Из болгарского вклада в славянских языках. III // Этимология 1970. Москва, 1972. С.103-115

Наиболее известной в этой связи является концепция т.н. «буковой границы», которая была выдвинута более 100 лет назад. Исходя из того, что заимствование славянами названия бука (*Fagus sylvatica*) и явора (*Acer pseudoplatanus*) из германского языка является общепризнанным, польский исследователь Й. Ростафинский предположил, что на территории славянской прародины эти деревья не произрастали. Соответственно, славяне познакомились с ними в ходе миграции на запад и позаимствовали их названия у германцев. Восточная граница исконного ареала произрастания бука проходит по условной линии Гданск - Карпаты – Одесса, таким образом прародина славян должна находиться к востоку от этой линии. Аналогичные выводы также можно сделать в отношении лиственницы и тиса, названия которых также были заимствованы славянами³¹. Концепция «буковой границы» неоднократно подвергалась критике некоторыми лингвистами, которые полагали, что в прошлом эта граница могла быть нестабильной. Однако каких-либо убедительных обоснований этому с привлечением данных палеоботаники и палеоклиматологии представлено не было. Напротив, Д.А. Мачинский высказал мнение о том, что в I–IV вв. климат в Центральной и Восточной Европе был несколько теплее, чем в наше время, соответственно восточная граница ареалов бука и явора могла пролегать со сдвигом на северо-восток, что соответственно отодвигает в указанном направлении и локализацию славянской прародины³².

К перечню вышеупомянутых названий деревьев можно также добавить ель. Это название присутствует во всех славянских языках, однако имеет различное значение. Так, в польском и чешском языках оно обозначает пихту (*Abies alba*), что свидетельствует о том, что пихту славяне узнали позже, когда заняли территории на которых произрастало это дерево, но не произрастала ель. Соответственно название одного дерева было перенесено на другое, внешне похожее³³. Современный ареал распространения пихты европейской занимает Карпаты, бассейн верхнего течения Днестра, левый берег Западного Буга и более западные территории.

Рис. 3. Исконный ареал произрастания бука (*Fagus sylvatica*)

a – «полесское белое пятно»
 b – зона балтийской гидронимии в бассейне Днепра (более насыщенным цветом отмечена зона т.н. «сплошной» балтской гидронимии)³⁴

³¹ См.: Rostański J. O pierwotnych siedzibach gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. 1908. V. 13/3; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S.23-66, 261-300, 333-334; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., Л., 1962. С.143-146, 148; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С.28-29; Curta F. The Slavic Lingua Franca (Linguistic Notes of an Archeologist Turned Historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31.1. P.128-129; Кобычев В.П. В поисках прародины славян. Москва, 1973. С.48-49; Щукин М. Б. Рождение славян // Стратум: Структуры и катастрофы. Санкт-Петербург, 1997. С.120; Cooper B. Russian words for forest trees: a lexicological and etymological study // Australian Slavonic and East European Studies. Vol.24. No.1-2. P.41-70; Golab Z. The origin of the Slavs: a linguist's view. Slavica Publishers, Inc. 1992. P.273-280

³² Мачинский Д.А. О прародине славян в I - V вв. и об этносоциуме русь/рос в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям Баварского географа) // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2012. С.37-38

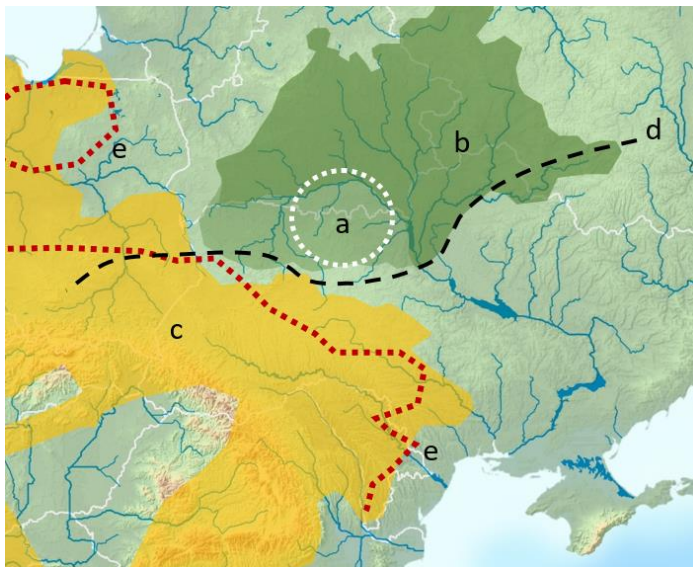
³³ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962.С.146; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S.58

³⁴ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962. Карта 2.

с - исконный ареал произрастания бука европейского³⁵
 d - северная граница черноземов
 e – восточная граница ареала произрастания бука европейского по Й. Ростафинскому³⁶
 f – восточная граница ареала произрастания тиса (*Taxus*) по Й. Ростафинскому³⁷

Общеславянские названия имеют пять видов фруктовых деревьев, что свидетельствует о знакомстве с ними славян до начала или в начале их великой миграции, а именно — яблоня, груша, слива, вишня, черешня. При этом три последних названия считаются заимствованиями из германского³⁸. Причины этого заимствования становятся понятным, если обратиться к ареалам произрастания этих деревьев. Так, северная граница исконного ареала произрастания дикой черешни к западу от Днепра приблизительно соответствует северной границе залегания черноземных грунтов, т.е. исторической северной границе лесостепи (рис. 5). Таким образом, выглядит так, что славяне познакомились в свое время с дикорастущей черешней, которая произрастала в лесостепи у южных пределов их прародины, позаимствовав ее название у восточных германцев — носителей черняховской культуры. Похожие выводы можно сделать и относительно знакомства славян с явором, наиболее близкий к «полесскому белому пятну» ареал произрастания которого находился в бассейнах Днестра и Южного Буга (рис. 4).

Рис. 4. Исконный ареал произрастания явора (*Acer pseudoplatanus*)

a – «полесское белое пятно»
 b – зона балтийской гидронимии в бассейне Днепра (более насыщенным цветом отмечена зона т.н. «сплошной» балтской гидронимии)³⁹
 c - исконный ареал произрастания явора⁴⁰
 d - северная граница черноземов
 e – восточная граница ареала произрастания явора по Й. Ростафинскому⁴¹

Очевидно, что выводы касательно черешни также применимы и к обстоятельствам заимствования названия вишни. Известно, что вишня обыкновенная (*Prunus cerasus*) в дикой природе не встречается и появилась в результате спонтанной природной гибридизации между дикой черешней (*Prunus Avium*) и вишней степной (*Prunus fruticosa*). Последняя представляет собой кустарник, средняя высота которого составляет 0,3 – 1,0 м и плоды которого внешне не отличаются от плодов вишни обыкновенной за исключением того, что они мельче и кислее.

³⁵ Houston Durrant T., de Rigo D., Caudullo G. *Fagus sylvatica* in Europe: distribution, habitat, usage and threats // European Atlas of Forest Tree Species. Publication Office of the European Union. Luxembourg, 2016. P.94

³⁶ Rostafiński J. O pierwotnych siedzibach gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. 1908. V. 13/3. S.24

³⁷ Там же.

³⁸ Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S.274-278; Cooper B. Russian words for types of plum // Russian Linguistics. Vol.19, issue 3. 1995. P.371-379; Golab Z. The origin of the Slavs: a linguist's view. Slavica Publishers, Inc. 1992. P.280

³⁹ Топоров В. Н., Трубаев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962. Карта 2.

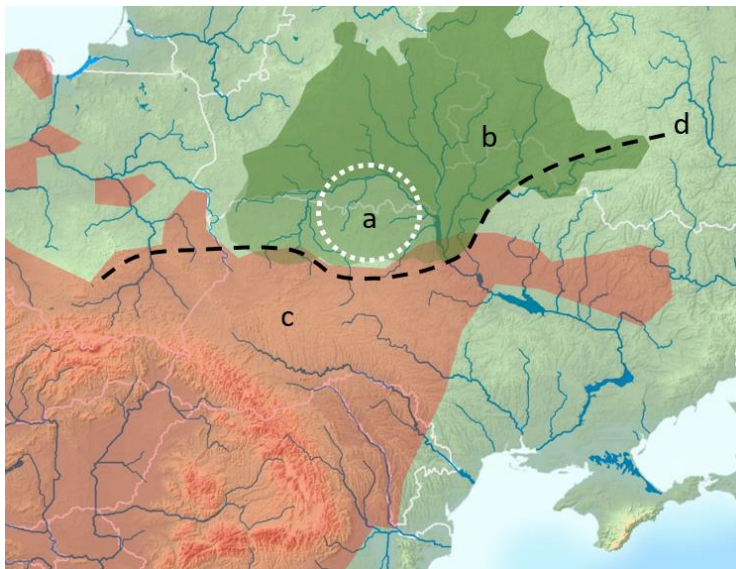
⁴⁰ Pasta S., de Rigo D., Caudullo G. *Acer pseudoplatanus* in Europe: distribution, habitat, usage and threats // European Atlas of Forest Tree Species. Publication Office of the European Union. Luxembourg, 2016. P.56

⁴¹ Rostafiński J. O pierwotnych siedzibach gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. 1908. V. 13/3. S.24

На территории Правобережной Украины северная граница распространения вишни степной приблизительно совпадает (и, очевидно, совпадала прежде) с границей лесостепи⁴². В Европе вишня обыкновенная начала культивироваться в античное время в Средиземноморье. Вне зависимости от того, с культурной или с дикой вишней познакомились в свое время славяне, очевидно, что северная граница ареала произрастания обеих видов к северу от Черного моря не могла заходить севернее пределов лесостепи.

Слива (*Prunus domestica*) не встречается в диком виде и, как считается, является результатом древнего скрещивания алычи и терновника на Кавказе или в Прикаспии. Ареал произрастания алычи (*Prunus cerasifera*) в Северном Причерноморье охватывает степь и лесостепь, в то время как ареал терновника (*Prunus spinosa*) фактически занимает все пространство между Балтийским и Черным морями⁴³. Можно предположить, что ареал распространения сливы в Северном Причерноморье в IV – V вв. на севере также ограничивался зоной лесостепи, где это дерево культивировали восточные германцы.

Рис. 5. Природный ареал произрастания черешни дикой (*Prunus Avium*)

a - «полесское белое пятно»
 b - зона балтийской гидронимии в бассейне Днепра (более насыщенным цветом отмечена зона т.н. «сплошной» балтской гидронимии)⁴⁴
 c - исконный ареал произрастания дикой черешни⁴⁵
 d - северная граница черноземов

Праславянские названия лосося и угря

Название лосося (*Salmo salar*) имеет индоевропейское происхождение и занимает важное место в определении как индоевропейской прародины, так и праславянской (по аналогии с концепцией «буковой» границы). В славянских языках это слово в качестве естественного присутствует на тех территориях, где лосось встречается в природной среде обитания. В Центральной и Восточной Европе эта рыба встречается исключительно в бассейнах рек, которые впадают в северные моря, включая Балтийское море. По этой причине значительное число исследователей размещали славянскую прародину либо в бассейнах рек, впадающих в Балтику, либо дополняли ареал прародины славян на правом берегу Днепра бассейном Западного Буга (иногда и Вислы)⁴⁶. Однако, упомянутая аргументация потеряла

⁴² Zarzycki K. Wiśnia karłowata, czyli wisienka stepowa // Chrońmy Przyrodę Ojczyzny. T.14 z.1. 1958. S.14-17; Fijałkowski D. Wawer M. Wiśnia karłowata (*Cerasus fruticosa* (Pall.) Woronow) na Lubelszczyźnie // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin – Polonia. Vol. XXXVII, 25. Sectio C. 1982. S.308; Гусаковська Т. М., Рудь О. Г., Куцоконь Л. П. Дослідження екологічних груп ентомофауни заказника «Вишнева гора» // International Scientific and Practical Conference World Science. № 7(23), Vol. 5. July 2017. С.20-21; Яндовка Л.Ф. Состояние вопроса о систематическом положении видов вишни и черешни (*Rosaceae*) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 173. С.126-130

⁴³ Popescu I., Caudullo G. *Prunus spinosa* in Europe: distribution, habitat, usage and threats // European Atlas of Forest Tree Species. Publication Office of the European Union. Luxembourg, 2016. P.145

⁴⁴ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962. Карта 2.

⁴⁵ Welk E., de Rigo D., Caudullo G. *Prunus avium* in Europe: distribution, habitat, usage and threats // European Atlas of Forest Tree Species. Publication Office of the European Union. Luxembourg, 2016. P.140

⁴⁶ Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Москва, 1976. С.78; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962.С.148; Берг Л.С. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян // Советская этнография. М., 1948. №2. С.67

свою актуальность после того как в тохарском языке было обнаружено слово *laks* «рыба». Сопоставление тохарского слова *laks* с армянским *losdi* «таймень» привело исследователей к выводу, что в индоевропейском языке существовало слово **laksos*, первоначально означавшее «таймень». Таймень — рыба из семейства лососевых, которая в прошлом была широко представлена в реках черноморского бассейна. Таким образом, название тайменя было перенесено славянами на лосося, что свидетельствует о том, что славянская прародина находилась на территории, «где лосось не водится»⁴⁷.

Угорь — еще одно праславянское слово, имеющее индоевропейское происхождение. Среди славянских языков оно отсутствует в болгарском и македонском. Ранее считалось, что речной угорь (*Anguilla anguilla*) в Европе встречается исключительно в бассейнах рек, впадающих в северные моря и Средиземное море и не встречается в бассейне Черного моря. Это использовалось как очередной аргумент в защиту локализации славянской прародины в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море. При этом оставалось непонятным присутствие этого слова в качестве естественного в украинских говорах. Затем все же обнаружилось, что угорь ранее встречался (и изредка встречается сейчас) в реках бассейна Черного моря⁴⁸. В дополнение к сказанному можно упомянуть небольшую речку под красноречивым названием *Угор*, впадающую в Десну в окрестностях Чернигова.

Название янтаря

Известно, что в праславянском языке отсутствовало слово для обозначения янтаря. Русское слово *янтарь* является заимствованием из балтских языков и из русского языка это слово попало в другие славянские языки⁴⁹. Польское название янтаря *bursztyn* является заимствованием из немецкого языка. Из польского оно также распространилось в несколько других славянских языков⁵⁰. Также известно, что в античные времена через территорию современной Польши проходил т.н. «Великий янтарный путь», по которому в Средиземноморье из побережья Балтики доставлялся балтийский янтарь. Основные речные маршруты этого пути проходили по Висле и Одере, т.е., в частности, и через ареалы вельбаркской и пшеворской культур. Археологические источники свидетельствуют, что носители этих культур хорошо знали янтарь и украшения из него. Таким образом отсутствие в праславянском языке слова для обозначения янтаря позволяет прийти к выводу, что праславянская родина находилась не только к востоку от «Великого янтарного пути»⁵¹, но так же и восточнее ареалов вельбаркской и пшеворской культур.

Общие замечания по поводу заимствованной праславянской лексики

Ф.П. Филин в свое время отмечал, что праславянские названия степных растений и животных являются заимствованными из других языков или более поздними инновациями в языках отдельных славянских народов⁵². Дополнительно можно отметить, что степные растения и степные животные также представлены и в зоне лесостепи, поскольку последняя представляет собой не что иное, как чередование участков степи с лесными массивами. Отсюда следует естественный вывод, что славянская прародина в зоне лесостепи также не могла находиться.

Письменные источники и археологические данные свидетельствуют, что зону лесостепи к северу от Черного моря с античных времен занимали ираноязычные этносы, приблизительно в середине II в. н.э. сюда пришли германцы, а в конце IV в. н.э. здесь появились гунны. Язык последних большинством исследователей признается тюркским или

⁴⁷ Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983. С.104-106, 138

⁴⁸ Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S.303-304; Берг Л.С. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян // Советская этнография. Москва, 1948. №2. С.67; Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983. С.93-94, 138; Гавриш Г.Г., Кузьменко Ю.В., Мішта А.В., Коцержинська І.М. Фауна хребетних тварин національного природного парку «Деснянсько-Старогутський». Київ, 2007. С.30

⁴⁹ Добродомов И.Г. Янтарь // Русская речь. № 4. 1971. С.138-142

⁵⁰ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927

⁵¹ Pronk-Tiethoff S. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Rodopi, 2013. P.60-61

⁵² Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва, Ленинград, 1962. С.119

прототюркским⁵³. После появления гуннов степь и отчасти лесостепь по правую сторону Днепра стали территорией обитания различных групп тюркских кочевников, которые непосредственно контактировали с носителями пражской культуры.

Таким образом, локализация праславянской родины в регионе «полесского белого пятна» предполагает, что названия степных растений и животных, а также культурных растений и терминов, связанных с видами хозяйствования, специфичными на то время для степных биоценозов, могли быть заимствованы славянами из иранского, тюркского и германского языков. Это предположение в целом подтверждается вышеуказанным перечнем заимствований.

О компактности славянской прародины по данным лингвистики и археологии

Очевидно, что в качестве славянской прародины «полесское белое пятно» выглядит достаточно компактной территорией. В том числе и по сравнению с другими территориями, которые рассматривались различными исследователями в данной роли (бассейны Одера и Вислы, Северо-Восточное Прикарпатье, ареал Киевской культуры). Попробуем разобраться, как упомянутая компактность соотносится с археологическими данными и данными языкознания.

Как известно, археологические источники демонстрируют поразительное единообразие и устойчивость материального комплекса пражской культуры, засвидетельствованные на огромных территориях, которые заселили ее носители в VI-VII вв. Это проявляется в домостроительстве, погребальной обрядности, керамическом комплексе и общих тенденциях его эволюции. Данный феномен по мнению ряда исследователей является свидетельством компактности региона первоначального формирования пражской культуры⁵⁴.

Вышеупомянутый вывод перекликается с выводами ряда лингвистов. Известно, что современные славянские языки характеризуются высокой степенью близости, что также включает их словарный состав⁵⁵. В этой связи можно привести цитату эксперта: «Близость славянских языков между собой настолько велика, что в ряде случаев носитель одного славянского языка может понимать другой славянский язык без предварительного обучения. В этом отношении славянские языки отличаются от всех остальных групп индоевропейских языков — балтийской, германской, романской, кельтской, индийской, иранской и анатолийской — в каждой из которых языки обнаруживают более глубокие различия, чем в славянской»⁵⁶. Считается, что подобная близость славянских языков свидетельствует о более поздней их дифференциации и о том, что они сформировались на относительно компактной территории⁵⁷.

Далее следует отметить еще один важный языковой аспект, имеющий значение для ранней истории славянства. Несмотря на присутствие ряда глубоких различий между украинским и русским языками⁵⁸, восточнославянские языки согласно выводам лингвистов

⁵³ См.: Pritsak O. The Hunnic Language of the Attila Clan // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI. No.4. Cambridge, 1982. P.470; Гумилев Л.Н. История народа хунну. Кн.1. Москва, 1998. С. 60–61

⁵⁴ Фурасьев А.Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Санкт-Петербург, 2009. С.26-35; Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян // Исследования по археологии СССР. Ленинград, 1961. С. 207-208; Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Москва, 1976. С.7-8, 202

⁵⁵ Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI- XIV/XV вв. // Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. Москва, 1983. С.288; Нахтигал Р. Славянские языки. Москва, 1963. С.37; Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. Москва, 1958. С.6

⁵⁶ Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология / под редакцией А.С. Мельничука. Киев, 1986. С.20

⁵⁷ Barford P.M. The Early Slavs. Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. Ithaca, 2001. P.16, 45; Соколовская А. С. Лексическая типология говоров и этноязыковое разграничение Припятского Полесья // Советское славяноведение. №3. 1967. С.60

⁵⁸ Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Москва, 1949. С.202-211; Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. Москва, 2014. С.50, 86; Калыныч Л.Э. Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии // Славянское языкознание. XII международный

являются генетически наиболее однородными по сравнению с западнославянскими и южнославянскими языками⁵⁹. Это может свидетельствовать, во-первых, о том, что восточнославянские языки начали дифференцироваться позже, нежели южнославянские и западнославянские языки. Во-вторых, высокая степень близости восточнославянских языков фундаментально подрывает гипотезу о расселении восточных славян на обширных территориях Восточно-Европейской равнины начиная с VI-VII вв. (что неминуемо предполагало бы образование и углубление языковых различий у славянских групп населения, разделенных огромными труднопреодолимыми расстояниями)⁶⁰. С точки зрения сторонников висло-одерской локализации славянской прародины близость восточнославянских языков можно теоретически попытаться объяснить более поздней языковой дифференциацией группы славян, мигрировавшей на восток. Однако у подобной гипотезы, помимо лингвистических доказательств, также совершенно отсутствуют и археологические.

Экологическая ниша

До начала Великого переселения народов носители пражской культуры, предположительно обитавшие в зоне «полесского белого пятна», занимали там свою сложившуюся экологическую нишу. Рост их населения был ограничен относительно бедными природными ресурсами данного региона, продуктивностью традиционных способов хозяйствования и площадью пригодных для этого участков.

Изначальной экологической нишей для носителей пражской культуры являлись территории в зоне леса, на которых имелись безлесые участки. Наличием последних характеризуется Припятское Полесье, где такие участки заселялись человеком с древности⁶¹. Как известно, основой хозяйствования древних славян являлось земледелие (подсечно-огневое, переложное, пойменное), которое дополнялось животноводством. Последнее характеризовалось преобладанием крупного рогатого скота⁶² и требовало наличия безлесых участков для его выпаса и заготовки сена. Земледелие также тяготело к безлесым участкам и берегам водоемов, что позволяло обеспечивать посеvy достаточным количеством солнечного света. По этой причине в лесной зоне древние славяне осваивали свободные от лесной растительности регионы (также известные как «ополья») и приречные земли, оставляя незаселенными территории сплошного леса⁶³.

Экстенсивное земледелие носителей пражской культуры велось на легких для обработки почвах. При этом первый посев на свежесозданном участке при подсечно-огневом земледелии мог и вовсе осуществляться в пепел без какого-либо предварительного рыхления грунта и заделки в него семян. По этой причине орудия для рыхления почвы были

съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. Москва, С.343-349; Попова Т.В. Восточнославянская лингвогеографическая проблематика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова №12. 2017. С.244

⁵⁹ Вендина Т. И. Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов., Белград, 20-27 августа 2018 г.: доклады российской делегации. Москва, 2018. С.70-71; Вендина Т. И. «Общеславянский лингвистический атлас» и некоторые мифы лингвистической географии // Славянский альманах 2015. Вып. 1–2. Москва, 2015. С.283; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961. С.40-41; Мейе А. Общеславянский язык. Москва, 2001. С.7

⁶⁰ См.: Golab Z. The origin of the Slavs: a linguist's view. Slavica Publishers, Inc. 1992. P.19; Bjørnflaten J.I. Proto-East Slavic: Fact or Fiction? Archeological Aspects of a Linguistic Problem // A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium. Oslo 12–14 September 1996. Oslo, 1998. P.33

⁶¹ Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян // Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика) М., 1968. С.20-21

⁶² Баран В.Д. Давні слов'яни. К., 1998. С.49; Михайлина Л. П. Слов'яни VIII - X ст. між Дніпром і Карпатами. К., 2007. С.119; Бибииков М. В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Москва, 1999. С. 96; Авдусин Д. А. Основы археологии. М., 1989. С.252

⁶³ См.: Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. С.42-43; Шмидт Е. Хозяйство древнего населения Смоленской земли // Край Смоленский. 2013. № 7. С. 17; Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев, 2000. С.15-19; Носов Е.Н У начала русской истории. Между Ладогой и Новгородом // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 71

представлены примитивными деревянными ралами, бородами-суковатками и т.п.⁶⁴ Соответственно такие орудия в целом были непригодны для обработки плотных грунтов (т.н. тяжелых грунтов), включая черноземы. Восточные славяне начали интенсивно возделывать черноземы только с появлением у них орудий для отвальной вспашки (металлических или деревянных с металлическими накладками), что датируется различными исследователями VIII – X вв. Носители черняховской культуры в отличие от носителей пражской культуры применяли отвальную вспашку и культивировали черноземы. Поэтому в зоне лесостепи их поселения тяготели к черноземным участкам, а северная граница черняховской культуры на правом берегу Днепра практически совпадает с северной границей распространения черноземных грунтов (т.е. с древней северной границей лесостепи)⁶⁵.

Говоря об обработке грунта, следует обратить внимание еще на один принципиально важный момент. Рыхление почвы мотыгами, сохой, ралом и т.п. инструментами, на какую-то бы то ни было глубину нельзя считать вспашкой (в современном значении этого термина). При такой обработке почвы и без внесения удобрений ее плодородность быстро истощается. И, чем ниже будет изначальная плодородность почвы, тем быстрее она истощится. По этой причине носители пражской культуры после нескольких лет использования одного поля вынуждены были либо бросать его на совсем, либо оставлять его на длительное время без возделывания, чтобы плодородие почвы восстановилось. Данный аспект исключал высокую плотность населения, что хорошо демонстрируется археологическими источниками.

Миграция ранних носителей пражской культуры (т.е. ранних славян) за пределы «полесского белого пятна» до конца IV в. была невозможна в силу очевидных причин. К северу от Припяти находились обширные заболоченные территории (малопригодные или непригодные для их традиционного хозяйствования), за которыми обитали балтские племена. Территории к востоку населяли носители киевской культуры, к югу — носители черняховской культуры, к западу — носители вельбарской культуры. При этом носители пражской культуры значительно уступали последним трем перечисленным уровнем развития своей материальной культуры и численностью населения. К тому же на начальном этапе своей истории славяне представляли собой совершенно мирный и не воинственный народ, о чем ярко свидетельствуют археологические данные и сочинения Иоанна Эфесского и Маврикия⁶⁶. Таким образом, на протяжении определенного времени ранние носители пражской культуры были стеснены на относительно небольшой территории с весьма ограниченными природными ресурсами, что в свою очередь ограничивало численность их популяции.

Ситуация кардинально изменилась с началом эпохи Великого переселения народов. После вторжения гуннов носители черняховской и вельбарской культур в ходе нескольких волн миграций покинули прежние места обитания. Заселившие Северное Причерноморье гунны и родственные им кочевники не отличались многочисленностью и занимали зону степи, а также южные регионы лесостепи, которые являлись их экологической нишей. Оставшиеся обширные территории лесостепи фактически обезлюдели⁶⁷, что позволило носителям пражской культуры начать их постепенное освоение.

Поначалу направления славянских миграций определялись двумя основными факторами. Во-первых, новые территории должны были предоставить мигрантам возможность занять привычную для них экологическую нишу и продолжать заниматься привычной для них хозяйственной деятельностью. По этой причине ранние славяне в ходе

⁶⁴ Михайлина Л. П. Слов'яни VIII - X ст. між Дніпром і Карпатами. К., 2007. С.107; Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin, 2004. С.74; Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев, 2000. С.39-41

⁶⁵ См.: Щукин М. Б. Рождение славян // Стратум: Структуры и катастрофы. СПб., 1997. С.133-134; Сымонович Э.Э. Северная граница памятников черняховской культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, №116. 1964. С.37-38; Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin, 2004. С.74

⁶⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1994. С.279, 371

⁶⁷ См. также: Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С.93; Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов // Советская археология. 1972. №4. С.114

своих миграций старались выбирать для новых поселений местности, которые по своим характеристикам были похожи на места их предыдущей локализации⁶⁸. Данный аспект наглядно иллюстрируется тем, как носители пражской культуры огибали Карпаты, поскольку за исключением широких и легкодоступных долин гористая местность не представляла для них интереса в качестве среды обитания (см. рис.6). Считается, что интенсивное освоение славянами горной части Карпат началось не ранее XIII в.⁶⁹ Также, данный аспект иллюстрируется тем, как носители пражской культуры избегали селиться в ареале преобладания черноземных грунтов, тянущимся от Днестра до реки Стрыпа и верховьев Западного Буга (см. рис.7).

Вторым фактором, определяющим направления миграций, являлось отсутствие на новых территориях конкуренции с местным населением, особенно, если оно занимало аналогичную экологическую нишу и/или могло препятствовать экспансии мигрантов. На территориях, где местное население являлось малочисленным или не представляло собой препятствия для славянской миграции, оно уничтожалось, изгонялось или ассимилировалось.

Рис. 6. Общие направления миграций носителей пражской культуры к середине VI в.

Начало великой славянской миграции

Начальный этап славянской истории можно реконструировать следующим образом. После ухода носителей вельбарской и черняховской культур для носителей пражской культуры открылась возможность освоения прежде занятых ими территорий. При этом миграция на северо-восток, восток и юго-восток по-прежнему была невозможна, поскольку там обитали носители колочинской и пеньковской культур.

По мнению автора, в начале своего расселения носители пражской культуры были представлены как минимум двумя основными этнографическими и диалектными группами. Характерным маркером первой более многочисленной группы являлись печи-каменки. Их приблизительным исходным ареалом являлись южные и центральные территории «полесского белого пятна», а их начальная миграция была направлена на юг и юго-запад, т.е. в зону лесостепи. Характерным маркером второй этнографической группы являлись глинобитные печи. Основание этих печей, как правило, вырезалось из материкового останца, а традиция их сооружения, вероятно, восходит к зарубинецким и постзарубинецким памятникам⁷¹. Исходным ареалом второй группы являлись северные и северо-западные

⁶⁸ См.: Филипчук А. М. Миграційні процеси слов'ян V–VII ст. у Верхньому, Середньому Подністер'ї та Верхньому Попрутті (за матеріалами стаціонарних і розвідкових досліджень) // Вісник Інституту археології. 2010. Вип. 5. С.74-76

⁶⁹ См.: Михайлина Л. П. Слов'яни VIII - X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007. С.47-48; Golab Z. The origin of the Slavs: a linguist's view. Slavica Publishers, Inc. 1992. P.262; Parczewski M. Początki napływu ludności ruskiej na teren Karpat Zachodnich w świetle archeologii // Początki napływu ludności ruskiej na teren Karpat Zachodnich w świetle archeologii. Archaeologia historica. 1993. 18. S.94

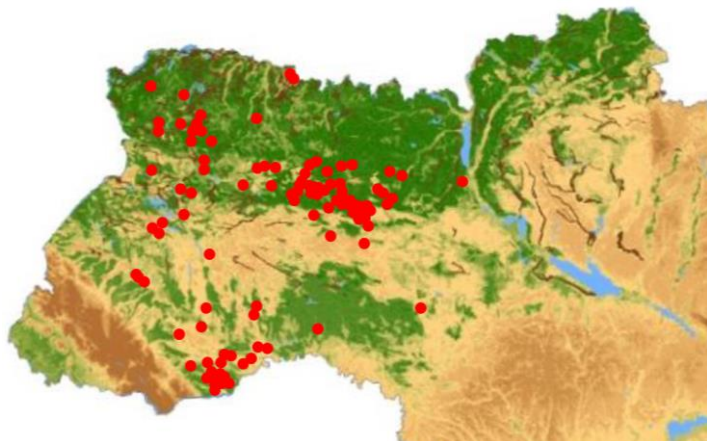
⁷⁰ Parczewski M. Origins of Early Slav Culture in Poland // Antiquity. 65 (248), 1991. P.677

⁷¹ См.: Касюк А. Раннеславянські житлы Беларускага Палесся ў кантэксце домабудаўнічых традыцый пражскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вип.17. С.284-285

территории «полесского белого пятна». Начальная миграция этой группы была направлена в бассейн Припяти к западу от Ясельды и Горыни, в бассейн верхнего течения Западного Буга и по направлению к Дукельскому перевалу.

Носители пражской культуры, маркером которых являлись печи-каменки, в процессе освоения северо-восточного Прикарпатья несколько обособились в этнографическом и диалектном плане. Представители именно этой группы сыграли решающую роль в дальнейшей великой славянской миграции, расселившись в VI-VII вв. до Полабья на Западе и до Пелопонеса на юге. Таким образом, к концу V в. славяне были представлены уже тремя основными этнографическими и диалектными группами. Рисунок 7 демонстрирует нам сосредоточение поселений этих трех групп славян на карте современной Украины. Более подробно эти три группы славян будут рассмотрены автором в будущих работах.

Рис. 7. Поселения пражской культуры между Припятью и Карпатами на карте грунтов Украины

Для наглядности использована карта, демонстрирующая запасы органического углерода в верхних слоях почвы⁷². Желтым цветом отображены богатые на органический углерод черноземы, зеленым — бедные на органический углерод почвы, сформированные под лесной растительностью. Красным отмечены поселения пражской культуры⁷³.

После того, как представители последней упомянутой этнографической группы носителей пражской культуры освоили подходящие для них лесостепные территории к северо-востоку от Карпат, их миграционные потоки в V-VI вв. направились на юг и на запад, огибая Карпаты. В среднем междуречье Днестра и Сирета эти потоки смешались с миграционными потоками антов и устремились на левый берег Нижнедунайской равнины. Здесь их дальнейшее продвижение было остановлено византийской границей, проходящей по Дунаю. В результате славяне и анты на протяжении около века оказались стеснены между Нижним Дунаем и Южными Карпатами. Повышенная рождаемость под влиянием благоприятных экологических условий и, очевидно, постоянный приток соплеменников с севера способствовали повышению плотности местного населения, изменениям его традиционного хозяйствования и поведенческих характеристик. Этот фактор, а также всевозможные блага византийской цивилизации «на расстоянии вытянутой руки» превратили мирных склавен-земледельцев в воинственных варваров, которые начали опустошать византийские провинции, а затем и заселять их.

К северу от Карпат славяне двигались на запад по территориям чередующихся участков лесной и травянистой растительности. Эти земли также на то время были в значительной степени депопулированы в связи с тем, что их покинуло местное германское население (носители Пшеворской культуры)⁷⁴. В ходе миграции группы славян пересекли Карпаты через легко преодолимый Дукельский перевал и заняли часть современной

⁷² Пліско І.В. та ін. Створення національної карти запасів органічного вуглецю в ґрунтах України // Агрохімія і ґрунтознавство. 2018. Вип. 87. С.61

⁷³ Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, 2009. Т.49. С.11; Русанова И. П. Славянские древности VI-VII вв. Москва, 1976. С.14;

⁷⁴ См.: Brather S. The Western Slavs of the Seventh to the Eleventh Century: An Archaeological Perspective // History Compass 9. No.6 (2011). P.458; Barford P. M. The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. Ithaca, N.Y., 2001. P.14-16

восточной Словакии и Украинского Закарпатья⁷⁵. Дальнейшему их продвижению в земли Карпатской котловины препятствовали территории, занятые лангобардами и гепидами⁷⁶.

Славяне, которые продолжили свое движение на запад вдоль северных предгорий Карпат, со временем достигли Моравских ворот (прохода между Судетами и Западными Карпатами), за которыми их дальнейший путь на запад преграждали тянущиеся в северо-западном направлении Судетские горы. Моравские ворота открывали путь славянской миграции в Моравию, а оттуда в Богемию, восточные предгорья Альп и западную часть Карпатской котловины. Однако Центральная и Южная Моравия приблизительно до середины VI в. с была занята лангобардами. Последние окончательно покинули эти территории в 568 г., открыв славянам путь на юг. Очевидно, часть *склавлен* направилась на север и северо-запад от Моравских ворот, где в результате ассимиляции немногочисленного местного населения (вероятно, германского и/или балтского происхождения) возникли памятники суковско-дзедзицкой археологической культуры. Эта культура также известна как, культура типа Суков, Дзедзице, Суков-Шелиги, и по мнению ряда исследователей представляет собой локальный вариант пражской культуры.

После ухода лангобардов в Италию в 568 г. носители пражской культуры заселили предгорья Восточных Альп и Северный Иллирик. Первые славянские миграции в северо-западные окраины Карпатской котловины, очевидно, не являлась массовыми и, после прихода сюда авар в 568 г., по всей видимости, происходили при определенном взаимодействии с ними. Из Чешской котловины носители пражской культуры по долине реки Эльбы заселили в VII в. бассейн ее среднего течения и реки Заале. Там они встретились с носителями суковско-дзедзицкой археологической культуры, а на пути их дальнейшего продвижения на запад оказались регионы, занятые германскими племенами⁷⁷.

Таким образом, расселение славян на ранних этапах их миграций представляло собой своего рода процесс освоения депопулированных экологических ниш, отвечающих потребностям их традиционного хозяйствования. Естественными преградами на этом пути являлись чуждые природные ландшафты или привычные ландшафты, занятые чуждым населением.

Демографический аспект начала великой славянской миграции

Природные условия юго-восточной части Припятского Полесья характеризуются преобладанием малопродуктивных грунтов, заболоченностью части территорий и их затопляемостью весенними и осенними паводками⁷⁸. Справедливо отмечалось, что подобные условия не могли обеспечить наличие высокой плотности местного населения в позднеантичную эпоху и эпоху раннего средневековья. По данным археологических источников даже во времена летописных древлян указанный регион был заселен очень неравномерно и огромные лесные массивы и заболоченные территории оставались

⁷⁵ См.: Станчу И. Ранние славяне в румынской части карпатского бассейна // *Stratum Plus*. 2015. №5. С.205; Фусек Г. Древнее славянское население на территории Словакии // *Stratum plus*. 2015. No.5. С.159; Кляница З., Тржештик Д. Первые славяне в среднем Подунавье и в Полабье // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.)*. М., 1991. С.21-23

⁷⁶ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. С.189-191

⁷⁷ См.: Dulnicz M. Wczesnosłowiańskie obiekty archeologiczne na południe od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnyymi // *Archeologia Polski*. 52. Warszawa, 2007. S.85, 91, 114; Barford P. M. *The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe*. Ithaca, N.Y., 2001. P.14-16; Buko A. *The Archaeology of Early Medieval Poland. Discoveries-Hypotheses-Interpretations*. Leiden, Boston, 2008. P.61-71; Ivanič P. Western Slavs in the 6th and 7th century // *Историја - Journal of History*. 2012. год. XLVII, бр.1. С.86-89; Профантова Н. Славяне на территории Чехии и их контакты в VI – VII вв. // *Stratum plus*. 2015. No.5. С.102,113; Фусек Г. Древнее славянское население на территории Словакии // *Stratum plus*. 2015. No.5. С.151-161; Плетерский А. Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // *Stratum plus*. №5. 2015. С.232-244; Biermann F. New archaeological evidence from the late Migration and early Slavic Period in the North-East German region // *Od Bachórzca do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego*. Kraków-Rzeszów, 2016. P.113-119; Bekić L. *Keramika praškog tipa u Hrvatskoj* // *Dani Stjepana Gunjače 2. Zbornik radova sa: Hrvatska srednjovjekovna povijesno-arheološka baština. Međunarodne teme*. Split, 18. – 21. 10. 2011, Split, 21–35. Split, 2012. P.21-27

⁷⁸ См.: Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян // *Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика)* Москва, 1968. С.19; Бондарчик В. К., Браим И. Н., Бураковская Н. И. *Полесье. Материальная культура*. Киев, 1988. С.104

совершенно незаселенными до эпохи позднего средневековья⁷⁹. Таким образом, «полесское белое пятно» никак не могло обеспечить необходимый демографический потенциал для быстрого заселения славянами огромных территорий во время их великой миграции. Вместе с тем, подобный демографический потенциал вполне мог быть обеспечен правобережной лесостепью, которую славяне начали осваивать после ухода германских племен⁸⁰.

Демографический аспект относительно быстрого заселения славянами огромных территорий и отсутствие археологических свидетельств высокой плотности славянского населения в V – VII вв. к северо-востоку от Карпат по-прежнему отмечаются многими исследователями как труднообъяснимые или опровергающие локализацию праславянской родины в Полесье. Или же свидетельствующие об ассимиляционном типе славянской экспансии⁸¹. Однако подобная уверенность может быть фундаментально поколеблена, если мы обратимся к статистическим данным XVI - XVII вв., демонстрирующим феноменальный рост численности украинского населения по обе стороны Днепра.

После начала крымских набегов в конце XV в. огромные территории нынешней Украины к середине XVI в. совершенно обезлюдели или же значительно потеряли в численности своего населения. Официальные переписи юго-восточных приграничных регионов Великого Княжества Литовского и Королевства Польского этого времени свидетельствуют, что на левом берегу Днепра южнее Десны и Сейма оседлое население фактически отсутствовало. На правом берегу Днепра оседлое население отсутствовало к югу от условной линии Каменец-Подольский — Житомир — Киев, за исключением четырех т.н. замков — Винницы, Брацлава, Канева и Черкасс. Остальные территории Подолья и Киевского воеводства также были кардинально обезлюднены. Похожая ситуация в значительной степени характеризовала Волынь и Галичину. Масштабы демографической катастрофы демонстрируют подсчеты М.Ф. Владимирского-Буданова на основании материалов официальных переписей, согласно которым в 1540-х - 1560-х гг. общая численность населения Киевщины, Подолья и Волыни составляла около 17 тыс. человек (!)⁸².

Тем не менее, уже к 1640-м гг. мы наблюдаем не только кардинально возросшую численность населения в Подолье, Галиции и Волыни, но и заселение украинцами огромных пустующих ранее лесостепных территорий по обе стороны Днепра. Тот же М.Ф. Владимирский-Буданов на основании актовых материалов оценивает население территории, которую контролировал Богдан Хмельницкий в 1654 г. (и которая не включала Волынь и западное Подолье) приблизительно в 1 млн. человек (!)⁸³. Даже принимая во внимание определенную приблизительность последней цифры, мы все же наглядно видим очень высокие темпы роста численности населения на протяжении около ста лет приблизительно в тех же природно-географических условиях и при достаточно похожих способах хозяйствования (земледелие и пастбищное животноводство). При этом также нужно учитывать огромные потери гражданского населения от военных действий на этих территориях в 1648 – 1654 гг.

Возможно, что указанные выше темпы роста населения на территории Украины в период со 1540-х и до 1650-х гг. могут показаться фантастическими. Что ж, попробуем убедиться в их близости к реалиям, обратившись к одному из современных примеров. Так, согласно данным отчета «Конференции ООН по торговле и развитию» за 2013 г. средний ежегодный прирост населения в африканской стране Джибути в период с 1970 по 2012 гг.

⁷⁹ Звіздецький Б. А. Городища IX - XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008. С.36

⁸⁰ См. также: Jasiński T. Rozważania o praojczyźnie Słowian // *Historia Slavorum Occidentis*. 2020. No. 25. S.76-77

⁸¹ См.: Barford P. M. *The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe*. Ithaca, New-York, 2001. P.16-17, 45-47; Wolfram H. *The Ethno-Political Entities in the Region of the Upper and Middle Danube in the 6th–9th Centuries A.D.* // *Origins of Central Europe*. Warszawa, 1997. P.52; Гжесик Р. Этногенез славян в польской исторической рефлексии XX–XXI вв. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2 (22). 2017. С. С.114-115; Curta F. *Migrations in the Archaeology of Eastern and Southeastern Europe in the Early Middle Ages (Some Comments on the Current State of Research)* // *Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone*. Brill, 2020. P.120

⁸² Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569) // *Архив Юго-Западной России*. Киев, 1890. Ч.VII. Т.II. С.32-33

⁸³ Владимирский-Буданов М.Ф. Передвижение южно-русского населения в эпоху Богдана Хмельницкого // *Киевская старина*. 1888. Т. XXII (июль). С.109

составлял около 4,1% в год⁸⁴. Предположим, что природные условия и исторические обстоятельства в период с 1540-х и до 1650-х гг. также могли обеспечивать ежегодный прирост украинского населения на 4%. При таких темпах ежегодного прироста населения его численность будет удваиваться каждые 18 лет⁸⁵. Несложные подсчеты демонстрируют, что за 108 лет (6 периодов по 18 лет) при ежегодном темпе роста численность населения в 4% его численность увеличится с 17 000 до 1 088 000 (17000 x 2 x 2 x 2 x 2 x 2 x 2). Как видим, полученное значение свидетельствует о том, что подсчеты М.Ф. Владимирского-Буданова могут быть весьма близки к реалиям.

Таким образом, на основании вышесказанного мы можем убедиться в том, что освоение человеческими популяциями пустующих территорий, которые характеризуются благоприятными условиями для их традиционного хозяйствования, в определенных исторических условиях может сопровождаться чрезвычайно высокими темпами роста населения.

Выводы

В данной публикации автор попытался суммировать известные ему сведения, прямо или косвенно свидетельствующие в пользу локализации славянской прародины на территории «полесского белого пятна» (а также не противоречащие этой гипотезе). Разумеется, что окончательное решение данного вопроса, если оно когда-либо будет возможно, требует дальнейшего накопления археологических данных. Помимо этого, критически важными являются:

- аргументированная интерпретация археологических данных в отношении наличия или отсутствия генетической преемственности между теми или иными археологическими культурами (которая определяется «не присутствием тех или иных уникальных черт материальной культуры, а всей их совокупностью, создающей облик культуры в целом⁸⁶»);
- понимание экологических ниш, которые занимали носители той или иной археологической культуры, и специфики их традиционного хозяйствования;
- привлечение данных языкознания;
- учёт всего корпуса наличных археологических и лингвистических источников, их «взаимная гармонизация»⁸⁷.

Вышесказанное в целом также применимо и к решению вопроса о времени и обстоятельствах расселения славян на территориях, расположенных к северу от Припяти и Десны.

⁸⁴ The Least Developed Countries Report 2013: Growth with employment for inclusive and sustainable development. United Nations, 2013. P.30

⁸⁵ Meadows D. et al. Limits to growth. Universe Book, 1972. P.30

⁸⁶ Григорьев А.В. Северская земля в VIII в. — начале IX века по археологическим данным. Тула, 2000. С.165

⁸⁷ См.: Назаренко А. В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. Москва – Вологда, 2012. С.35